

К СТОЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А.В. Жукоцкая

Представления и дискуссии об идеологии в России в начале XX века

В статье рассматриваются некоторые представления и дискуссии об идеологии, свойственные политическим деятелям России начала XX века, отмечается сложность идеологии как предмета теоретического обсуждения.

Ключевые слова: идеология; дискуссии; идеологическое мышление; политика.

Известный английский историк и методолог Лоуренс Стоун однажды заметил, что «история даёт нам основания предполагать, что люди не менее и возможно даже более склонны сражаться и умирать за идею, принцип, религию, расовый или племенной предрассудок, чем за материальный экономический интерес. Они будут бороться за интерес и даже убивать ради него, но обычно они не станут ради него умирать, если могут избежать этого. *Когда же принцип и интерес переплетаются, то не существует пределов, до которых люди не были бы готовы пойти* [8: с. 163].

Идеология — это та сфера духовной жизни общества, где сплавляются принципы и интересы, предрассудки и мифы, рациональное и иррациональное. Тотальные идеологии (классический либерализм, консерватизм, коммунизм) придают истории событийную и дискуссионную масштабность. Вообще тот факт, что история новейшего времени всегда нагружена идеологически, доказывать не надо. А российская история двадцатого века — это сплошное «идеологическое производство». Быть может, это и звучит парадоксально, но согласюсь с Т.Б. Любимовой, что «выбирать свое прошлое необходимо, исходя из запросов будущего» [2: с. 70]. Пользуясь универсальным методом гуманитарного познания — методом интерпретации, исследователь постоянно «перебирает» факты, вновь и вновь определяя их ценность и значимость. Но ценность эта обусловлена не прошлыми событиями и идеями, а дискурсом сегодняшнего дня, а точнее, даже завтрашнего, то есть истории, но истории будущей. И это проективное измерение истории есть не что иное, как тоже идеология.

Так каковы же были представления об идеологии хотя бы у некоторых российских политических деятелей начала XX века?

Российское общество в начале XX века переживало бурные политические события. С. Франк так описывал это время: «В ту эпоху преобладающее большинство русских людей из состава так называемой “интеллигенции” жило одной верой, имело один “смысл жизни”; эту веру лучше всего определить, как веру в революцию» [9: с.116]. И далее он отмечает, что в ту пору «научные теории оценивались не по их внутреннему научному значению, а по тому, клонятся ли они к оправданию образа мыслей, связанного с революцией, или, напротив, с «реакцией» и консерватизмом. Сомневаться в правильности дарвинизма, или материализма, или социализма значило изменять народу и совершать предательство» [9: с. 117]. Понятно, что революционная ситуация, обострившая до предела классово-политическое противоборство в то же время упростила представления о философских направлениях. Столь же упрощённо, далеко не научно, связывалась философия с идеологией, наукой, религией и политикой. «Не только религия, но и всякая не материалистическая и не позитивистическая философия были заранее подозрительны и даже заранее были признаны ложными, потому что в них ощущалось сродство с духом «старого режима», их стиль не согласовывался с принятым стилем прогрессивно-революционного мировоззрения» [9: с.117].

В русском марксизме проблема идеологии оформилась прежде всего в теоретических работах В.И. Ленина и, разумеется, непосредственно связывалась с классовой борьбой. Ещё в 1897 году В.И. Ленин, полемизируя с Н.М. Михайловским, представителем русской «субъективной социологии», по поводу возможности объективной и научной социологической теории замечал, что «Капитал» К. Маркса является «одним из замечательнейших образцов неумолимой объективности в исследовании общественных явлений» [3: с. 547]. Однако это ни в коем случае не означает, что мы можем пренебречь мировоззренческими и классовыми установками автора. «Если известное учение требует от каждого общественного деятеля неумолимо объективного анализа действительности и складывающихся на почве той действительности отношений между различными классами, то каким чудом можно отсюда сделать вывод, что общественный деятель не должен симпатизировать тому или другому классу, что ему это “не полагается”. Смешно даже и говорить тут о долге, ибо ни один живой человек не может не становиться на сторону того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения)...» [3: с. 547–548].

Итак, идеология предстаёт в рассуждениях В.И. Ленина как научное знание, «вносимое» в общество профессиональными идеологами. «Но социализм, будучи идеологией классовой борьбы пролетариата, подчиняется общим условиям возникновения, развития и упрочения идеологии, то есть он основывается на всём материале человеческого знания, предполагает высокое развитие науки, требует научной работы и т. д. В классовую борьбу пролетариата, стихийно развивающуюся на почве капиталистических отношений, социализм вносится идеологами» [4: с. 362–363]. Этот фрагмент из письма «Северному союзу РСДРП» был написан в начале 1902 года. К концу 1902 года,

по мере приближения революционных событий 1905 года, тон ленинских работ становится заметно жёстче, а заявления — категоричнее. «Вопрос стоит только так: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии). Поэтому всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от неё означает тем самым усиление идеологии буржуазной» [4: с. 33–43].

Но в 1910 году, между двумя революциями, В.И. Ленин особенно подчёркивает уже не теоретическую сторону идеологии, а практику политической борьбы. «Самое важное, самое насущное дело: сплочение рабочих в крупные, сильные, хорошо функционирующие, умеющие при всяких условиях хорошо функционировать, организации, проникнутые духом классовой борьбы, ясно сознающие свои цели, воспитываемые в действительно марксистском мирозерцании» [5: с. 65–67].

Постепенно для активных сторонников революционного действия идеология становится инструментом политической борьбы и подготовки будущих революционеров. Ну а для тех, кто не принял революцию? Для тех, кто понимал революцию как «смуту» и «бунт»? Опять обратимся к С. Франку: «Люди расходятся друг с другом и начинают друг друга ненавидеть и презирать за различие мнений по вопросам социализма и демократии, монархии и республики, даже абсолютной или конституционной монархии; они считают своим нравственно-гражданским долгом внушительно и ожесточенно — на страх врагам — демонстрировать свою веру. Но искрення и глубока в этих доказательствах разве только ненависть» [9: с. 131]. Для С. Франка, философа-идеалиста, тонкого психолога души русской, очевидно, что всякая политическая идеология есть не что иное, как очередной «кумир», «идол». «Сколько бы мы в газетах и публичных собраниях ни спорили и ни горячились, сколько бы мы ни раскалывались и ни основывали новых фракций — мы не верим больше и не можем верить, как в абсолютную правду, ни в монархию, ни в республику и демократию, ни в социализм, ни в капитализм и частную собственность, если только мы захотим быть вполне искренними с самими собой... Кумир “политического идеала” разоблачен и повержен...» [9: с. 132].

Итак, в начале XX столетия проблема идеологии становится одной из основных дискуссионных проблем в среде революционно настроенной российской интеллигенции. Духовную жизнь России того периода справедливо было бы назвать «нервом» общественных преобразований. Диспуты и дискуссии проходили в России открыто и жарко, иногда в этих спорах под грузом политической идеологии даже пропадало то ценное, что имелось в содержании идей противоборствующих сторон. Споры велись между Л. Аксельрод (Ортодокс) и Д.Н. Овсяннико-Куликовским; А.В. Луначарским и митрополитом А.В. Введенским; между А.В. Луначарским и Л. Аксельрод. Они касались мировоззренческих,

политических, правовых, нравственных, религиозных, философских, художественных, научных взглядов и идей. В одном все оппонирующие стороны были едины. Они все подчёркивали, что в идеологической системе происходит не только осознание, но и оценка людей, их отношения друг к другу, к своей или чужой социальной группе, социуму в целом.

Главное содержание доклада Овсяннико-Куликовского по поводу идеологии, прочитанного им во Всероссийском литературном обществе в конце 1912 года, сводилось к следующим положениям. Идеология передовой мыслящей интеллигенции «представляет собой соединение социально-политических устремлений с наукой, философией и этикой, но проникнутое религиозным чувством» [1: с. 68]. Автор замечает, что «интеллигент — идеолог» преследует по существу реальные, общественно-политические задачи... Но за исходную точку рассуждений он берёт исключительно субъективную, моральную потребность. Его волнует вопрос классический: что делать? как жить свято? В силу такой субъективно-психологической предпосылки, считает Овсяннико-Куликовский, формирующаяся система взглядов «неизбежно становится неприкосновенной святыней, религией, отступление от которой есть грех, падение, измена» [1: с. 68]. Отсюда — боязнь критики, нетерпимость, замкнутость. Идеологическое мышление в конечном итоге приводит, по мнению автора, к «фанатизму и сектантству, обрекая в конце концов идеолога на бездействие» [1: с. 69].

На наш взгляд, вывод несколько противоречивый, если принять во внимание, *во-первых*, что фанатизм и сектантство всегда являлись больше основанием для деятельности, а не для размышлений, правда, тоже сектантской, *во-вторых*, определение идеолога как «бездействующего» лишает смысла само понятие «идеолог». Овсяннико-Куликовский делает вывод о неизбежности падения власти идеологического мышления, обосновывая этот процесс якобы высокой степенью зрелости общественных отношений. «На высших стадиях общественного поступательного движения происходит разграничение между ценностями, имеющими всеобщее значение и ценностями субъективными, социальная психология отделяется от психологии индивидуальной» [1: с. 69]. Идеологическое мышление, поскольку это — «потребность души», как полагает автор, становится «исключительным достоянием отдельной личности». И «каждая отдельная личность может свободно, без всякого ущерба для общественно-культурной работы, как и для своего собственного развития, «спрятать свою идеологию в карман» [1: с. 69]. Вот так накануне Февральской буржуазной революции Овсяннико-Куликовский публично провозглашает «кризис идеологического мышления» и определяет место идеологии — «в кармане».

Резюмируя его рассуждения, отметим, что с его точки зрения:

- психология идеологического мышления тождественна психологии религиозного мышления, следовательно — идеология тождественна религии;
- происходящее якобы исчезновение идеологического мышления есть явление прогрессивное;

- господство идеологии в западных странах давно пришло к концу; им на смену пришло господство политических партий и практическая деятельность;
- тот же процесс якобы наблюдается и в России;
- и, наконец, это и есть «кризис идеологического мышления», который надо приветствовать.

Разумеется, такой подход к проблеме идеологии вызвал протест и ответную критику. В январе 1913 года Л. Аксельрод выступила с докладом в защиту идеологии. Этот доклад был напечатан в марте того же года в «Современном мире». Аргументы автор черпала из сферы материалистического понимания истории, хотя про Л. Аксельрод нельзя сказать, что она во всём и абсолютно принимала марксистскую концепцию. В статье «Карл Маркс и религия» Л. Аксельрод писала, что «эта строго научная, историческая доктрина лишена элементов, способных успокоить и согреть душу. О природе экономического фактора можно сказать то же самое, что Шопенгауэр писал о земных ценностях вообще. Материальный гнёт обладает, несмотря на всё его видимое однообразие, разнообразнейшими средствами к тому, чтобы раздавить личность. Самое совершенное экономическое устройство общества, обеспечивающее всестороннее развитие личности, не в состоянии сделать эту последнюю счастливой в высшем значении этого слова» [1: с. 28].

Несмотря на критический взгляд на некоторые положения марксистской социологической теории, Л. Аксельрод утверждает, что общественная действительность без идеологии есть «метафизическое, бессодержательное» понятие, впрочем, как и «идеология, оторванная от действительности». Интимной, индивидуальной идеологии нет и быть не может. «Самый крайний индивидуалист, мизантроп, презирающий род человеческий, проповедует свою идеологию не менее страстно, чем всякий другой идеолог» [1: с. 78]. Далее автор замечает, что марксизм, «не пригодный для души», «для религиозных эмоций», «для философских созерцаний», в высшей степени пригоден для «понимания хода вещей, для прозрения в будущее и — для рационального исторически необходимого действия» [1: с. 82]. Поэтому «ни один класс, ни одна партия не обходятся без идеологии, и весь вопрос в том, каково её конкретное содержание» [1: с. 77].

Заметим, что спор Д. Овсяннико-Куликовского и А. Аксельрод из области абстрактной (идеология как некий индивидуально-психологический феномен) перешёл в сферу прагматически-конкретного (политическая идеология, её содержание, носители, цели и т. д.). Эта дискуссия очень показательна по своему содержанию и выводам. Дело в том, что в это насыщенное революционными событиями время любая дискуссия об идеологии развивалась по одному и тому же сценарию: если можно так выразиться, от «абстрактного» к «конкретному», проще говоря, «от слова — к делу».

Например, А.В. Плеханов и Л. Аксельрод критиковали идею богостроительства А.В. Луначарского. «Согласно Евангелию от Луначарского», — писала Аксельрод, — «процесс развития производительных сил есть бог; пролетариат — его сын, а научный социализм — святой дух» [1: с. 57]. Но закончилось

это богостроительство вполне идеологически предсказуемо: Луначарский отказался от мысли, что марксистская идеология — «научно-социалистическая религия», и встал на путь «пролетарской идеологии». И уже в дооктябрьский период в «Письмах о пролетарской диктатуре» он выступал за связь искусства с политической борьбой пролетариата. Позже, в послеоктябрьский период, Луначарский рассматривал проблемы идейности, классовости этических, эстетических и философских идей.

Возвращаясь к предмету нашей статьи — дискуссиям об идеологии начала XX века в России, отметим, что тревожность и смута исторических событий, обилие гипотез и теорий, в которых в спокойное-то время сложно было бы разобраться, размытость и неясность самого понятия «идеология», калейдоскоп политических лидеров и идей приводили к суждениям подчас крайне внутренне противоречивым. Да и стилистика этих суждений соответствовала духу времени, например, «любая идеология вредна тем, что мешает видеть действительность», или «высшая идеология — философия подготовила всё для своего собственного отрицания, для уничтожения вообще идеологичности в мышлении», или «для преодоления идеологичности мышления надо сознательно расщелкаться с предыдущими ступенями (развития мышления)». Кстати, что мы безуспешно до сих пор и делаем. А между тем все эти фразы взяты из статьи В. Адоратского «Об идеологии», написанной в 1922 году [7: с. 199–210].

Поистине, идеология — субстанция тонкая, идеологическое воспроизводство в обществе идет непрерывно. Историческую сцену идеология не покидает никогда, во время серьезных потрясений она выдвигалась на авансцену, обладая огромным мировоззренческим потенциалом и силой веры и убеждения. Поэтому так велико было стремление социальной рефлексии, напряженный поиск сущности идеологии в русской социально-политической мысли начала XX века.

И последнее: об эффективности идеологии и политической деятельности все-таки судят не по дискуссиям, а по результату. Об этом не забыл упомянуть еще Н. Макиавелли. «О действии всех людей, а особенно государей, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют» [6: с. 54]. Добавим, что без идеологии власть не сможет многого: распоряжаться людскими ресурсами, требовать жертв, верности и преданности или уж, на худой конец, — лояльности. Но самое главное — только та власть может быть сильна, на службе у которой состоит идеология, обладающая моральным превосходством, а это сильно усложняет задачу и власти, и идеологии.

Литература

1. Аксельрод Л.И. Действительность и идеология / Л. Аксельрод (Ортодокс). Пг.: Кн-во Всерос. соц.-дем. организации, [1912]. 100 с.
2. Идеология и процессы социальной модернизации: сб. статей / под общ. ред. Т.Б. Любимовой. М.: Academia, 2013. 376 с.

3. Ленин В.И. От какого наследства мы отказываемся? // Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. Т. 2. 657 с.
4. Ленин В.И. Письмо «Северному союзу РСДРП» // Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. Т. 6. 613 с.
5. Ленин В.И. Разногласия в европейском рабочем движении // Ленин В.И. ПСС. 5-е изд. Т. 20. 577 с.
6. Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990. 80 с.
7. Под знаменем марксизма / В. Адоратский // Об идеологии. 1922. № 11–12. С. 199–210.
8. Стоун Л. Будущее истории // Thesis. 1994. Т. 2. Вып. 4. С. 158–174.
9. Франк С. Крушение кумиров // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. 607 с. (Серия «Вопросы философии».)

Literatura

1. Aksel'rod L.I. Dejstvitel'nost' i ideologiya / L. Aksel'rod (Ortodoks). Pg.: Kn-vo Vseros. soc.-dem. organizacii, [1912]. 100 s.
2. Ideologiya i processy' social'noj modernizacii: sb. statej / pod obshh. red. T.B. Lyubimovoj. M.: Academia, 2013. 376 s.
3. Lenin V.I. Ot kakogo nasledstva my' otkazy'vaemsya? // Lenin V.I. PSS. 5-e izd. T. 2. 657 s.
4. Lenin V.I. Pis'mo «Severnomu soyuzu RSDRP» // Lenin V.I. PSS. 5-e izd. T. 6. 613 s.
5. Lenin V.I. Raznoglasiya v evropejskom rabochem dvizhenii // Lenin V.I. PSS. 5-e izd. T. 20. 577 s.
6. Makiavelli N. Gosudar'. M.: Planeta, 1990. 80 s.
7. Pod znamenem marksizma / V. Adoratskij // Ob ideologii. 1922. № 11–12. S. 199–210.
8. Stoun L. Budushhee istorii // Thesis. 1994. Т. 2. Vy'p. 4. S. 158–174.
9. Frank S. Krushenie kumirov // Frank S.L. Sochineniya. M.: Pravda, 1990. 607 s. (Seriya «Voprosy' filosofii».)

A.V. Zhukotskaya

Ideas and Discussions about Ideology in Russia in the Early XX Century

This article discusses some of ideas and discussions about ideology inherent to political figures of Russia of the beginning of the 20th century. The author notes the complexity of ideology as a subject of theoretical discussion.

Keywords: ideology; debates; ideological thinking; politics.